

9 сентября 1944 г. самым благотворным образом отразилось на судьбе болгарских музеев. Из кунсткамер, какими они по существу были до 1944 г., музеи превратились в научные учреждения, ставящие своей целью изучение памятников материальной культуры и искусства Болгарии от древнейших времен до эпохи позднего феодализма. Музеи ведут теперь широкую идейно-политическую работу с населением. Значительно возросло число болгарских археологических музеев, превратившихся в государственные учреждения. Помимо археологического музея в Софии, вошедшего в 1949 г. в состав БАН, на местном бюджете состояли в 1950 г. музеи в городах Пловдиве, Сталине, Коларовграде, Лом, Свиштове, Тырново, Русе, Казанлык, Бургас, Ловеч, Видин, Самоков, Стара-Загора, Нова-Загора, Габрово, Панагюриште, Силистра, Разград, Саидански, Стрелча. Музеи пользуются большой популярностью.

На сессии был зачитан доклад научного сотрудника БАИ архитектора Б. П г н а т о в а — «Сохранение древностей Болгарии», постановка которого свидетельствует о большом внимании, с которым в Болгарии относятся к памятникам старины.

В заключение следует сказать несколько слов о книге, посвященной данной научной сессии БАН¹. Книга представляет собой стенограммы докладов и выступлений участников на сессии. В дальнейших изданиях подобного рода желательно избегать излишних длинот и повторений, прилагать списки принятых сокращений и обратить большее внимание на качество прилагаемых иллюстраций. Ведь вышедшие в последнее время издания трудов по археологии свидетельствуют о значительном прогрессе печатного дела в Болгарии.

Т. Д. Златковская

R. TAUBENSCHLAG, The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, 332 B. C.—640 A. D., Vol. II, Political and administrative law. Eus supplementa, vol. 19. Warsaw, 1948, 124 стр.

Вышедший в 1944 году в Нью-Йорке первый том обширного труда по греко-римскому праву в Египте известного польского ученого, профессора Варшавского университета Р. Таубеншлага освещал вопросы частного права, уголовного права и судопроизводства. В нем рассмотрена также общая проблема взаимосвязи египетского, греческого и римского права². Рецензируемый второй том, вышедший в Варшаве в 1948 г. в издании Польского филологического общества, посвящен вопросам конституционного и административного права. Второй том содержит богатейший фактический материал, почерпнутый из греческих и латинских папирусов, и свидетельствует об огромной источниковедческой эрудиции автора и о тщательном учете им всей колоссальной литературы вопроса.

Работа начинается с обширного перечня литературы предмета, приводимой также в начале каждой главы. Каждое положение автора снабжено обильными ссылками на документы и литературу. В конце книги (стр. 107—117) приложен перечень греческих и латинских папирусов и других источников (остраконы, надписи, литературные источники). Автором учтены наши отечественные издания папирусов³ и специальные труды русских ученых (например, работы проф. М. Хвостова). К сожалению, в недостаточной степени привлекаются демотические папирусы, столь необходимые для сводной работы по египетскому праву эллинистическо-римского периода. Правда, демотические папирусы пока мало разработаны и в большинстве своем недоступны широкому кругу исследователей⁴.

¹ Първа научна сесия на Археологически институт, София, 1950.

² См. ВДИ, 1948, № 2, стр. 110—116.

³ Papyri russischer und georgischer Sammlungen, I—V, 1925—1935.

⁴ Число специалистов по демотике вообще весьма ограничено. Имеющиеся среди наших востоковедов редкие специалисты в этой области, к сожалению, пока еще не уделяют должного внимания данному богатому источнику по истории и праву коренного египетского населения.

Вся работа состоит из трех частей: 1) конституционное право (Political law), 2) административное право и 3) исполнительная власть (Administrative Procedure and Administrative Execution). Каждая из частей, в свою очередь, разделена на ряд глав. Первая часть посвящена конституционному праву в птолемеевско-римский период и носит весьма беглый, конспективный характер. В первой главе («Птолемеевская монархия и римская империя») заметен формально-юридический подход к рассматриваемым явлениям, отрыв вопросов права от социально-экономической истории общества и его классовой структуры. Установив вкратце факт «навязанного египтянам» религиозно-политического культа Птолемеев, как преемников фараонов, автор переходит к рассмотрению вопросов наследования царской власти (право первородства, роль македонской традиции — избрание царя на военной сходке; праздник провозглашения царя и т. д.) и появления института сорегентства (фактически — Птолемея II Филадельфа). Вряд ли институт сорегентства можно квалифицировать как «неверность» принципам «абсолютизма» (стр. 7). Автор сам характеризует царя как «воплощение государства», как неограниченного монарха, сосредоточившего в своих руках всю полноту законодательной, судебной, административной, финансовой и военной власти, материальной опорой которой, как известно, являлась верховная собственность Птолемеев на землю. Очевидно, что институт сорегентства (фактически — совместное правление с женой, сестрой или матерью) ничего не меняет в характере этой монархической власти. К сожалению, автор не пытается выяснить классовую сущность этой власти.

В отличие от птолемеевского периода, где, как указано, царь был «воплощением государства», в римский период, по мнению автора, появляется новый принцип: государство и император — не одно и то же. Для доказательства этой мысли приводятся термины *δημοσιος* и *δημόσιον* (речь идет о казне), появившиеся вместо *βασιλικος* и *βασιλικόν*. По мнению автора, изменения, происшедшие в государственном строе Египта после Акция, видны также из того, что, несмотря на огромные прерогативы префектов Египта, их власть была ограничена Августом. Анализ государственного строя птолемеевского Египта и изменений, внесенных римским завоеванием, ограничивается только формально-юридическими соображениями. После констатации факта римского завоевания автор переходит к изменениям, наступившим в период правления Диоклетиана¹ и в последующий период². Внимание автора привлекает здесь изменение функций префекта, раздробление Египта, появление президов и, наконец, превращение Египта в самостоятельный диоцез к концу IV в. н. э.

В главе второй («Автономные города и *χώρα*, стр. 11—17) рассматривается политическое положение греческих полисов: Александрии, Птолемаиды, Навкратиса и Антинополя. Формально на указанные города не распространялась неограниченная власть Птолемеев и римских императоров, однако Р. Таубеншлаг хорошо показывает, как эта «автономия» выглядела на практике. Вслед за Шубартом, Таубеншлаг высказывает интересное, но не аргументированное мнение о различии для Александрии понятий: «полис» и «община граждан» (стр. 13—15). Автор указывает, что не следует «сравнивать политическое положение Александрии, как города, с положением александрийской общины граждан (организация граждан по филам и демам, свои александрийские законы и суд, свои магистраты, свой культ, своя земля, свои собрания, издающие *ψηφίσματα*). В основном правильно излагается вопрос об истории александрийской *βουλή*³, уничтоженной одним из Птолемеев и восстановленной лишь Севером одновременно с муниципализацией Египта. Затронутый автором интересный вопрос

¹ Показательно, что автор не упоминает в этой связи о реформах Севера и *Constitutio Antoniniana*, которые были, как известно, закономерным завершением императорской политики в провинциях.

² Изменения, введенные римлянами в муниципальной системе *χώρα*, указаны на стр. 17.

³ Мы считаем, однако, что императором, упоминаемым в PSI, X, 1160, был не Август, а Клавдий; см. ВДИ, 1951, № 4, стр. 208—219.

о герусии не получил достаточного обоснования. По мнению Таубеншлага, герусия — орган полиса, а не общины граждан (стр. 14—15), — была уничтожена Августом. Непонятно, на чем основано утверждение автора, что при Клавдии александрийцы тщетно пытаются возродить герусию (стр. 14). Новейший документ по этому вопросу, а именно P. Giss., 308 — ясное свидетельство того, что эта «тщетная попытка» имела место при Калигуле.

В главах III IV и V рассматривается статус граждан и неграждан, их права и обязанности. Этот важнейший вопрос истории права греко-римского Египта был неясен и запутан уже в древности¹. Не получил он еще разрешения и поныне. Исключительная пестрота правовых взаимоотношений в греко-римском Египте, обусловленная спецификой социально-политического и муниципального строя Египта, перекрещивающиеся понятия «гражданин» и «не-гражданин», почти полное отсутствие документов александрийского происхождения затрудняют решение этого вопроса, особенно для Александрии. Право александрийского гражданства, бесспорно, было важнейшей и решающей привилегией (не считая римского гражданства), которой всеми средствами и способами добивались различные группы населения. Между тем положение вопроса пока таково, что А. Б. Ранович с полным основанием заявил: «содержание „александрийского гражданства“, связанных с ним прав и привилегий — точно неизвестны»². Вполне понятен поэтому тот интерес, который представляет новая попытка выяснения и систематизации этого вопроса.

При решении его буржуазная историография исходит обычно из предпосылки, что в основе правовых различий птолемеевского и римского Египта лежат различия по этническому принципу: деление населения Египта на «эллинов» и «не-эллинов», внутри которых происходит дальнейшая градация прав. Такая предпосылка в корне порочна. Как неоднократно отмечалось в нашей литературе, понятие «эллин» имело не столько этническое, сколько социально-классовое значение³. Подмена классового в основном понятия этническим еще более затемняет и без того сложный и противоречивый вопрос о правовых взаимоотношениях.

Р. Таубеншлаг предлагает следующую схему развития понятий *cives* и *non-cives*. В птолемеевский период *πολιται* считались прежде всего граждане автономных городов (Александрии, Птолемаиды и Навкратиса). В Александрии они были зарегистрированы в филах и домах и организованы в *πολιτεύματα* или *πόλις*. Иноземцы, поселившиеся в Египте, имели свои *πολιτεύματα* (например, беотяне, киликийцы и др.), и члены их до I в. до н. э., по мнению Таубеншлага, также считались *πολιται* (стр. 19). Однако автор не ставит здесь вопроса ни об объеме, ни о характере, ни о различии прав упоминаемых категорий (коренные жители трех греческих полисов и оседлые иноземцы). Жители автономных городов, не принадлежавшие к *πολιτεύματα* или *πόλις*, но родившиеся там, а также жители метрополий и *χώμαι* пользовались правом *origo* и назывались *οἱ ἀπό...* или *οἱ ἐξ...* Таубеншлаг утверждает, что в I в. н. э. термин *Ἀλεξανδρεῖς* обозначал и полноправных граждан и тех, кто имел лишь право *origo* из Александрии. Во II в. н. э. так назывались только имевшие право *origo* из Александрии, а полноправные граждане Александрии именовались *ἄστοι*.

Таубеншлаг предполагает, что *οἱ ἐγγενεῖς Ἀλεξανδρεῖς* тождественны с *οἱ ἀποῦ Ἀλεξανδρείας* (стр. 21 сл.). Вряд ли можно с этим согласиться. Известная надпись Гиберия Александра (OGIS, II, 669, § 6) свидетельствует о том, что первые, освобожденные от литургий в *χώρα*, были полноправными александрийскими гражда-

¹ Ср., например Philo, Leg., 45, 363.

² А. Ранович, Восточные провинции римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, стр. 169.

³ Ср., например, А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 210: «общность классовых интересов сплачивала тех и других (т. е. египтян и греков) и имя „эллин“ воспринималось скорее как классовое, чем этническое понятие»; ср. е го же, Восточные провинции римской империи в I—III вв., 1949, стр. 170.

нами, а не пользовались лишь правом *οἰγο*. Далее, жители, не имевшие ни прав гражданства, ни прав *οἰγο*, считались ксенами и делились на *κατοικοῦντες* (постоянных жителей) и *παρεπίδημοῦντες* (временных жителей). Гражданство в автономных полисах зависело от прохождения эфебии (в качестве его предварительного условия), и лишь допущенные к эфебии могли стать гражданами.

Формально-юридическая схема Таубеншлага страдает и недостаточной полнотой и отсутствием ясного критерия правового положения различных групп населения Египта. Так, не выделен вопрос о коренном многочисленном населении — египтянах. Ничего не сказано и об особо привилегированном положении в доримский период македонян. Отказавшись от обычного для буржуазной историографии сведения острого социальных и политических противоречий к этнической разобщенности населения Египта (прежде всего греки — египтяне), автор впадает в другую крайность, совершенно игнорируя чрезвычайно важный для эллинистического и римского Египта вопрос о правовых различиях и взаимоотношениях многочисленных этнических групп. Правовое положение населения эллинистически-римского Египта (речь идет главным образом о греках) рассматривается только в формально-юридическом плане без анализа его социально-экономической и классовой структуры, что не может дать подлинной картины состояния и развития гражданских прав.

Основную трудность для понимания градации гражданских прав представляет прежде всего неясность самого понятия «александрийского гражданства». Трудность эта обусловлена тем, что нигде в дошедших до нас документах законодательно не определен и не уточнен характер и объем этого права и круг людей, пользующихся им. Даже в таком документе, как «Гномон Идиолога», остаются во многом неясными характер и различия в правах групп: «эллинцы», «александрийцы» и *ἀστοί*. Вопрос о наделении правом александрийского гражданства всегда, вплоть до *Constitutio Antoniniana*, был исключительно актуальным и острым. Стремясь добиться гражданских прав, различные группы населения пытались обосновать свои претензии, ссылаясь в числе прочих аргументов и на историческую традицию. Это, естественно, способствовало затемнению и без того запутанного вопроса.

Изучение дошедших до нас александрийских папирусов показывает, что александрийскими гражданами были наиболее зажиточные элементы города, в то время как немущие греки-александрийцы, как правило, не входили в число полноправных граждан. Так, в александрийских папирусах времен Августа, найденных в Абусир-эль-Мелеке и опубликованных В. Шубартом¹, упоминаются 500 жителей Александрии, в том числе 320 греков. Из этих греков полным правом александрийского гражданства обладали только 60—70 человек (к их мнени прибавляется название дема), а остальные четыре пятых греков не были полноправными гражданами Александрии. Почти все греки-граждане в указанных папирусах являются состоятельными людьми: одни дают деньги в рост, другие владеют садами в Канопе, пашнями на «александрийской земле» или папирусными культурами в болотистых окрестностях Александрии; один покупает египтянина-раба за 100 драхм, другой получает от друга в подарок 5 рабов, что с несомненностью свидетельствует о том, что получатель подарка был зажиточным человеком (APF, V, 128 сл.).

Постоянное стремление различных групп александрийских жителей, особенно в римское время, добиться прав александрийского гражданства объясняется главным образом тем, что александрийское гражданство было обязательной предпосылкой получения римского гражданства. Кроме того, обладание правом александрийского гражданства, по всей вероятности, освобождало от уплаты одного из самых тяжелых налогов — лаографии. По имеющимся данным, подушная подать составляла в общей сложности около 75% суммы всех остальных многочисленных (до 450!) налогов. Правда, вопрос об освобождении александрийских граждан от подушного налога до сих пор является спорным в науке. Так, А. Б. Ранович в упомянутой работе «Восточные провинции...»

¹ См. W. Schubart, *Alexandrinische Urkunden aus der Zeit des Augustus*, APF, V, стр. 35—131.

писал: «неизвестно даже, были ли александрийские граждане свободны от подушной подати» (стр. 169). В другом месте той же книги А. Б. Рапович высказывается более определенно: «за исключением римских граждан, все мужчины, в том числе рабы, с 14-летнего возраста подлежали действию этой подати» (стр. 194). Р. Таубеншлаг, напротив, вслед за Вилькеном полагает, что граждане Александрии, Антинополя, очевидно, и Птолемаиды, наряду с освобождением от *χωρικά λειτουργία* и принудительных работ, были освобождены и от подушного налога (стр. 27 сл.¹).

Как нам представляется, некоторый новый свет на этот вопрос проливает непривлекательный Таубеншлагом в этой связи флорентинский папирус PSI, X, 1160, из которого ясно, как кажется, следует, что александрийские *ἐφηβευκότες* освобождаются от лаографии. В указанном папирусе (строки 1—5) мы читаем: «Я утверждаю, что она (т. е. буле) будет заботиться о том, чтобы некоторые из тех (*ἵνα μή τι τῶν μελλόντων τινές*), которые подлежат внесению в списки *λαογραφοῦμενοι*, не уменьшили дохода государственной казны, будучи внесены в ежегодные списки эфэбов». Надо полагать, что речь идет здесь о попытке александрийской верхушки предотвратить освобождение от лаографии тех александрийских греков, которые незаконным образом проникли в эфэбию. В пользу этого говорит и термин *λαογραφοῦμενοι* и партитивный оборот: «... некоторые из тех...», из которого вытекает, что лишь незначительная часть греков, подлежащих внесению в списки, могла воспользоваться привилегией освобождения от лаографии, незаконно проникнув в эфэбию. Мы исходим при этом из предположения, что александрийские *ἐφηβευκότες* были полностью освобождены от лаографии.

Но, может быть, в приведенном тексте под *λαογραφοῦμενοι* следует понимать платящих полную ставку налога, в отличие от *ἐπιχεκριμένοι*, платящих пониженную ставку налога, и, следовательно, привилегия полноправных александрийских граждан сводилась лишь к уменьшению ставки налога? Против такого предположения можно привести следующее соображение. В одной из апокрифических книг библии высказывается возмущение иудеев Птолемеем Филадельфом (в действительности подразумеваются наместник Флакк и император Калигула), который отомстил иудеям тем, что они были «обращены в платящих подушную подать (*λαογραφία*) и поставлены в положение рабов» (III Масс., 2, 28 сл.). Если бы полноправные александрийские граждане тоже были обязаны платить подушный налог, хотя и в меньшей ставке, такое возмущение со стороны иудеев было бы лишено всякого смысла. Если предлагаемое толкование PSI, X, 1160, правильно, то отсюда вытекает определенная связь между прохождением эфэбии и освобождением от лаографии.

Работа Таубеншлага не внесла достаточной ясности в сложный и запутанный вопрос о градации гражданских прав и, в частности, об александрийском гражданстве, так как не дает четкого критерия для определения различающихся по своему правовому положению граждан. Вопрос этот подлежит дальнейшему изучению и уточнению в свете новейших данных папирологии.

Права граждан и не-граждан обрисованы в книге в общих чертах (гл. IV). Граждане автономных полисов имели право владения недвижимостью вне территории своего полиса, были освобождены от подушного налога, принудительных общественных работ и *χωρικά λειτουργία*. Личная свобода гарантирована александрийским гражданам тем, что их нельзя было обратить в рабов. Граждане пользовались активным и пассивным избирательным правом, как это можно заключить на основании Птолемаидской надписи OGIS, II, 668. Граждане получали специальное удостоверение личности.

Также и в остальном *cives* пользовались более широкими правами и привилегиями, чем *non-cives*. В то время как первые имели право издавать на своих собраниях законодательные распоряжения (*ψηφίσματα*), вторые могли принимать лишь почетные декреты; если *cives* пользовались правом подачи коллективных петиций, то *non-*

¹ Непонятно, однако, утверждение Таубеншлага в I томе, стр. 108, что все греки были освобождены от лаографии?

cives могли подавать только индивидуальные прошения. Обучение в гимназиях до IV в. н. э. было привилегией cives, греки non-cives допускались туда лишь в виде исключения (стр. 33 сл.), а египтянам доступ в гимназии был вовсе закрыт. Следует, однако, отметить, что надпись OGIS, I, 176 о посвящении группой ἐφηβευόντες участка земли египетскому богу Суху позволяет предположить, что «среди этих явно египтизированных греков имеются и эллинизовавшиеся египтяне»¹.

Ряд прав были общими у граждан и не-граждан: неприкосновенность жилищ, свобода передвижения (самовольное перемещение г. н. царских земледельцев было запрещено только в III в. н. э.), право выбора профессии (однако условия определялись государством; стр. 32), свобода вероисповедания, право обращаться к суду на родном языке (стр. 32), право всех жителей Египта пользоваться своим языком при составлении юридических документов, иметь нотариусов-соплеменников и т. д. (стр. 35 сл.). Права не-граждан также не были однородными. Таким образом, египтяне подвергались двойному гнету: классовому и этническому. Так, не-граждане эллины в птолемеевский период были освобождены от принудительных работ, а египтяне несли на своих плечах всю их тяжесть; египтяне были лишены права владения землей на территории автономных полисов. Согласно § 44 «Гномона Идиолога», египтяне сурово наказывались за запись сыновей в эфебии. Как уже отмечалось выше, прохождение эфебии было обязательной предпосылкой для приобретения прав гражданства и, повидимому, освобождения от лаографии. Женщины вовсе не пользовались политическими правами, право наследования было для них ограничено, но они были освобождены от принудительных работ и уплаты подушной подати.

После Constitutio Antoniniana различие между отдельными группами граждан стало ощутимее в уголовном и административном праве (humiliores, non-humiliores в уголовном праве; сенаторское и не-сенаторское звания — в литургиях; стр. 28).

Жители χωρα (о гражданах автономных полисов нет сведений) в птолемеевский период обязаны подавать списки членов семьи (κατ' οἰκίαν и κατ' ἀνδρα) и декларации с описью имущества и рабов². В римское время ценз производился каждые 14 лет. Все жители Египта (кроме женщин), проходили специальную проверку, устанавливавшую полное или частичное освобождение от подушного налога (ἐπιχειρημένοι), или уплату его в размере полной ставки (λαογραφούμενοι).

С формально-юридической стороны изложен вопрос о многочисленных литургиях (стр. 41 сл.) и принудительном труде (стр. 43), о различных унижительных штрафа, которые тяжелым бременем ложились на египтян. К сожалению, Таубеншлаг, сообщая о многочисленных повинностях, не пытается при этом дать полную картину того бедственного положения, в котором находились массы египетского населения. Так, им не упомянуты жестокие репрессии против ἀναχωροῦντες, против уклоняющихся от литургий, и т. д.

В числе других обязанностей жителей Египта автор останавливается и на военной службе (стр. 44 сл.). Вряд ли можно безоговорочно согласиться с его категорическим утверждением, что до битвы при Рафии (217 г. до н. э.) египтяне в армию не допускались (стр. 44). Таубеншлаг не учел ряд данных, на которые указывают советские исследователи. А. Б. Ранович, ссылаясь на Диодора (XIX, 80, 4) показывает, что доступ в армию не был закрыт для египтян уже в начале III в.³. Вопрос этот важен не столько сам по себе, сколько в связи с общей характеристикой существа политики Птолемея в Египте, как политики эллинистической, следующей в своеобразных условиях Египта по пути Александра и Селевкидов, и одновременно как политики классовой, защищавшей интересы господствующего класса Египта в целом.

Вторая часть посвящена разбору административного права. В главе 1-й рассмат-

¹ А. Б. Ранович, Эллинизм..., стр. 118.

² Согласно § 60 «Гномона», не зарегистрированные рабы конфисковались.

³ А. Б. Ранович, Эллинизм..., стр. 185 и 174; ср. Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. II (1936), стр. 218.

риваются разнообразные функции администрации: а) запись рождений и смертей, контроль за изменением раз данных имен (стр. 49—52); в частности, доморожденные рабы считались детьми египетских матерей и имели Αἰγύπτιον γένος; имена рабов не регистрировались; б) выдача разрешений на строительство жилых зданий или перестройку старых (стр. 52—53); в) регулирование (законодательное) снабжения Александрии продовольствием (стр. 53 сл.); г) руководство централизованной медицинской и санитарной службой (стр. 54—58); все жители платили специальный налог ἰατρικόν. Бани были монополией Птолемеев, а население платило τέλος βαλανείου; д) контроль над образованием и учебными заведениями.

При рассмотрении последнего вопроса автор, к сожалению, не вскрывает классового характера обучения. По мнению Таубеншлага, большое число неграмотных показывает, что египетские дети не были обязаны посещать школу. В действительности же, дело было не в обязательности или необязательности посещения школы, а в отсутствии у подавляющей массы населения средств на воспитание и обучение детей. Сам Таубеншлаг указывает, что ввиду отсутствия государственных школ богатые египтяне держали домашних учителей. Этого, разумеется, не могли делать рядовые египтяне. Характерно, что и среди греков было много неграмотных, так как далеко не все греки имели возможность отдавать своих детей в частные διδασκαλεία или обучать их дома. Следующей после начального обучения ступенью было обучение в так называемых гимназиях, находившихся под контролем государства. Обучение в гимназии, как указывалось выше, являлось необходимой предпосылкой для оформления гражданских прав детей греков-граждан. В эфебии поэтому всячески стремились проникнуть представители различных групп населения¹. Следует отметить, что, если вопрос об обучении детей греков не совсем ясен, то относительно детей египтян хорошо известно из «Гномона», что они в гимназии не допускались; однако богатые египтяне ухитрялись обходить этот запрет. Укажем, например, на знаменитого Исидора, египтянина по происхождению, который был даже гимнасиархом. Ограничение допуска в гимназии было одним из средств обеспечения замкнутости узкой группы привилегированных граждан, принадлежавших к закрытым слоям греческого населения (куда иногда просачивались отдельные представители богатых эллинизированных египтян). Наконец, к административным функциям относилась также выдача паспортов на выезд за границу (стр. 63), удостоверений личности (стр. 27) и регистрация смертей (стр. 64).

Вторая глава этой части посвящена вопросу о контроле государства над различными объединениями. Здесь рассматриваются очень важные вопросы о правах добровольных ассоциаций, в основном религиозного или профессионального характера (стр. 65—69) и о контроле государства над этими ассоциациями. Характерно, что различные добровольные ассоциации были своеобразным рычагом фиска для взыскания налогов (стр. 66). В то же время и птолемеевские и римские власти зорко следили за тем, чтобы эти ассоциации и клубы не превратились в оппозиционные правительству политические организации. Так, например, в Pap. Giss., 99 (79 г. до н. э.) приводится речь адвоката против культовой организации Аполлона в Гермополисе под предлогом того, что этот культ враждебен обычаям египтян².

В связи с этим можно указать на интересный текст Флакка (in Flassum, XVII, 136), в котором сообщается, что Флакк «распустил товарищества и союзы, которые устраивают совместно обеды под предлогом богослужения, а, напившись, ведут разговоры о политике»³.

В этой же главе изучаются правила о храмах и жрецах (стр. 70—74). Вопрос этот представляет большой интерес с точки зрения всепроникающего контроля государства над религиозными учреждениями. Взаимоотношения религиозных учрежде-

¹ См., например, Pap. Lond., 1912, стр. 52—55.

² Dio Cass., LX, 60, 6, сообщает о роспуске римлянами ассоциаций в Александрии.

³ Ср. также Wilcken, Chrestomathie..., № 13, содержащий эдикт Флакка о запрете ношения оружия.

ний и храмов с государством регулировались птолемеевским *ἱερατικὸς νόμος*, который римляне дополнили *διατάγματα* префектов и *ἱερός νόμος*. И государственные храмы, которые делились на три класса по своему значению, и храмы частных лиц находились под неусыпным контролем государства, назначавшего своих эпитатов. Даже наследственные жрецы проходят государственный контроль, подвергаются специальному экзамену и вносят плату за допуск к исполнению жреческих обязанностей. Хотя должности египетских жрецов были наследственно закреплены за определенной группой семейств, тем не менее и Птолемен и римляне продавали с аукциона или за фиксированную плату некоторые доходные жреческие места (например, *στολιστής, προσφύτης*). Жрецы собирались на ежегодные синоды, основной функцией которых было издание почетных декретов в честь царя.

Глава III (стр. 75—98), посвященная контролю государства над экономикой, показывает необычайную, до мелочей детализованную регламентацию всех сторон экономической жизни страны. В области сельского хозяйства государство тщательно регулировало порядок обработки и посева всех категорий земель, порядок сдачи в аренду *γῆ ἐν ἀρετῇ* и принудительную аренду неплодородных земель. Принудительная аренда распространяется и на целые общины. Не менее тщательно государство регламентировало порядок древонасаждений и рубки леса (стр. 75—78), рыбной ловли, эксплуатации соляных залежей (стр. 82)¹ и охоты (стр. 79). В птолемеевское время охота была царской монополией, и за выдачу права на охоту государство взимало 25% добычи. В римское время охота сдавалась в аренду под наблюдением специальных чиновников. В разделе «Промышленность и торговля» (стр. 82—87) рассматриваются различные государственные монополии, в том числе монополия на растительное масло (стр. 82 сл.), пиво (стр. 83 сл.), парфюмерию (стр. 84), текстиль (стр. 85 сл.), папирусы (стр. 87), чеканку монеты (стр. 88). Недостатком этого раздела является то, что автор оставил без всякого рассмотрения вопрос о юридическом и фактическом положении работников монополий. Между тем, это важно для выяснения мало изученного вопроса о характере так называемого «свободного» наемного рабочего, положение которого во время его работы по найму мало чем отличалось от положения раба. В разделе «Банковское дело» (стр. 89, 90) заметны черты модернизации.

Третья часть книги, посвященная административной процедуре и административному исполнению, рассматривает порядок возбуждения и разбора дел как частного порядка, так и связанных с государственными повинностями (литургии, откуп и др.).

Рецензируемый том работы Таубеншлага, содержащий тщательно подобранный и систематизированный фактический материал, извлеченный из греческих и латинских папирусов, является важнейшим после известного труда Вилькена и Миттейса, вышедшего в 1912 г.², справочником и пособием по вопросам греко-римского права в Египте. Он содержит важные и ценные материалы для изучения социального строя Египта. Однако, хотя задачей автора было рассмотрение только вопросов права, следует поставить ему в упрек, что формальный юридический аспект нередко заслоняет жгучие вопросы социальных отношений и ту картину беспощадной эксплуатации трудящихся масс, которая скрывается за формально-правовыми отношениями.

Л. М. Глушкина и И. Д. Амузин

E. KORNEMANN, *Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II von Makedonien bis Muhammed*, München, 1948—1949, т. I, 508 стр.; т. II, 563 стр.

Современная буржуазная историография бедна общими работами по истории античности. Двухтомная «Всемирная история Средиземноморья от Филиппа II Ма-

¹ Соляные залежи были царской собственностью. Право на торговлю солью продавалось купцам с аукциона. Население платило специальный соляной налог.

² Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, т. I—II, 1912.